

КАБУРАГИ РЭН

КИОТСКОЕ ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
К12

Ren KABURAGI
思い出探偵 OMOIDE TANTEI

First published in Japan in 2013 by PHP Institute, Inc.

Перевод с японского *У. Сапциной*

Иллюстрация на обложке *А. Гайворонской*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Половцева*

Печатается с разрешения PHP Institute, Inc. при содействии
Emily Books Agency LTD. и Casanovas & Lynch Literary Agency.

Кабураги, Рэн.

К12 Киотское детективное агентство: в поисках воспоминаний : [роман] / Рэн Кабураги; [перевод с японского У. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 448 с. — (Neoclassic: уютная Япония).

ISBN 978-5-17-168446-4

После смерти единственного сына бывший полицейский Дзиссо Кодзиро приходит к выводу, что человеческая жизнь в конечном итоге представляет собой лишь коллекцию воспоминаний. Причем если одни воспоминания оказываются слишком тяжелыми и трагичными, то другие, напротив, превращаются в источник жизненной силы, помогают людям вставать по утрам и браться за дело.

Кодзиро открывает необычное детективное агентство, которое занимается не проверкой репутации торговых партнеров или сбором доказательств супружеской неверности, а розыском людей или предметов, так или иначе связанных с важными воспоминаниями. Среди его клиентов — одинокая женщина, которая хочет отблагодарить незнакомца, вернувшего ей памятную подвеску, и смертельно больная старушка, желающая разыскать человека, который за шестьдесят лет до этого спас ее жизнь в годы воцарившегося в послевоенной Японии хаоса. А помогают Кодзиро бывшая медсестра, начинающий актер и девушка, которая так и не оправилась от трагической смерти родителей.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Yuriko ISHIDA, 2013
© Перевод. У. Сапцина, 2026
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Глава 1

МУЖЧИНА, ПИШУЩИЙ ТЕПЛЫМ ПОЧЕРКОМ

1

Случайно выглянув в окно, Дзиссо Кодзиро лишь тогда заметил, что лампа, освещающая вывеску, осталась включенной. Словно убегая от экрана компьютера, он встал с места и погасил ее. Выделявшиеся на вывеске иероглифы «Детективное агентство “Воспоминания”» снова слились с белым акриловым фоном.

Время близилось к пяти часам утра. Поскольку клиент условился прийти за отчетом в девять, в запасе оставалось еще четыре часа. Если закончить писанину за три, отдать на вычитку жене, встающей в восемь, а пока привести в порядок прилагающиеся снимки и прочее, времени, возможно, еще хватит, чтобы не спеша выпить кофе. Но это если удастся избавиться от сонливости, накатывавшей на него волнами последние минут тридцать.

С клавиатурой у Кодзиро не ладилось. В полиции префектуры Киото, откуда он уволился пять

лет назад, компьютером он не пользовался, разве что в случае крайней необходимости и по минимуму. Писать он предпочитал довольно толстыми авторучками, и его почерк, хоть он красотой и не отличался, ценили за разборчивость.

Но взявшись за нынешнюю работу и худо-бедно справляясь с задачей составления отчетов, он постепенно пришел к пониманию удобства оцифрованной информации. Заботясь об эффективности, он остро сознавал, в какую обузу превратилась его гордость — рукописная документация, и стал отстукивать ее на клавиатуре.

Раз уж все равно встал, Кодзирос вышел на улицу подышать свежим воздухом. Императорский сад впереди окутала легкая утренняя дымка, пожилая пара уже отправилась на прогулку. Шел июль, но вопреки ожиданиям в это время суток ветер, овевающий щеки, не приносил с собой досадного зноя.

Сколько бы раз Кодзирос ни готовил отчеты детективного агентства «Воспоминания», эта задача давалась ему с большим трудом. Предметом отчетов были не люди или вещи, а воспоминания. Оценка детективной составляющей всецело зависела от качества отчета и от настроения клиента. В памятке для клиентов детективного агентства Кодзирос указывал, что если отчет не удовлетворит их, вызсканы будут лишь фактические издержки. Совестно было превращать воспоминания в деньги. Он не только не собирался зарабатывать на жизнь поиском воспоминаний, но и не считал это занятие прибыльным.

С головой уйдя в расследования, чтобы перенести смерть единственного сына, он даже не заме-

тил, как его жену затянула пучина алкоголизма, и поэтому чуть не попался в ловушку распада семьи.

Сама по себе смерть их сына, первый год учившегося в старших классах, была необычна. Он утонул зимой в озере Бива.

Следственный отдел полиции префектуры Сига нашел на его новехоньком, купленном на деньги с летней подработки компьютере стихи, напоминающие предсмертные, и постановил, что произошло самоубийство.

Даже Кодзиро, редко появлявшийся дома, был уверен: его сын Коси не из тех людей, которые способны оборвать собственную жизнь. А его матери Митиё факт признания самоубийства давался гораздо тяжелее.

Естественно, Кодзиро усомнился в заключении, сделанном полицией префектуры Сига, и решил провести независимое расследование. В полицейских структурах подобная самостоятельность отнюдь не приветствовалась, и после бесчисленных конфликтов с начальством Кодзиро наконец решился подать рапорт об отставке.

У него появилось время. Исчезла вероятность, что кто-то будет ставить препоны, мешая ему искать истинную причину смерти сына и вплотную заниматься лечением жены.

В случае дальнейших ухудшений из алкогольного гепатита разовьется гепатоцирроз, и тогда... Жене, у которой уже возникали слуховые и зрительные галлюцинации, сопровождающие начало распада личности, он безмерно сочувствовал.

Митиё постоянно пересматривала все, что было связано с их сыном, — записи в «Книжке здоровья

матери и ребенка», альбомы, табели, учебники времен начальной школы и аттестаты, дни напролет слушала на повторе его любимые диски. Нежелание принять смерть Коси, казалось, перенесло ее в прошлое. Она просто погружалась в глубины памяти и отвергала нынешнее существование.

Однако начав пить спиртное, как воду, она заколотила дверь комнаты Коси гвоздями, заявив, что никакого ребенка у них вообще не было. Словом, схватка с воспоминаниями подорвала ее здоровье.

Кодзиро все равно хотел быть рядом с ней, пусть даже недолго.

Он решил, что постарается посвятить все свое время расследованию дела Коси и помощи жене.

2

Однажды с Кодзиро произошло событие, благодаря которому он осознал, насколько важны воспоминания в жизни человека.

Как обычно, он привел жену в университетскую больницу К. и рассчитывал погреться на еще теплом в начале осени солнце, пока идет прием. У выхода на улицу Хигасияма была оборудована роскошная, просторная как площадь территория, откуда, сидя под солнцем на одной из скамеек, было удобно наблюдать, не выходит ли жена.

Присмотрев подходящую скамейку, Кодзиро уже собирался сесть, как вдруг услышал крик: «Эй, подождите!». Он оглянулся, но никого у себя за спиной не увидел.

Но метрах в тридцати парень с каштановыми волосами, в мешковатой, раздувающейся на ветру

футболке мчался в его сторону. За ним виднелась сидевшая на корточках женщина лет сорока.

Тело Кодзиро, решившего, что парень выхватил у женщины что-нибудь, отреагировало машинально. Вместо того чтобы столкнуться напрямую, Кодзиро подскочил к парню слева и всей тяжестью нанес удар в плечо. Не успев увернуться, тот потерял равновесие и повалился на землю.

Но прежде чем он рухнул ничком, Кодзиро придерживал его за руку и сначала упал сам, оберегая голову задержанного от удара. Основной принцип задержания гласил, что оно должно быть произведено как можно менее травмирующими методами. За несколько месяцев с момента отставки тело Кодзиро не утратило этот физический навык. Изменилось другое: хотя свободу передвижения парня Кодзиро и ограничил, права на задержание он не имел.

— Чтoб тебя! Вернул уже, чего еще? Пусти, дядька! — рывкнул парень, когда Кодзиро уже подумывал сдать его в полицию, и он слегка ослабил захват.

Парень стряхнул с себя его руку, досадливо прищелкнул языком и пустился наутек. Криво усмехнувшись, Кодзиро поднял с земли брошенную парнем сумочку и протянул ее хозяйке, нетвердым шагом подошедшей к нему.

— Госпожа, вы не пострадали?

— Извините, я так вам благодарна. Вы мне очень помогли. Если бы он пропал... — Потупившись, женщина продолжала кланяться и благодарить. Потом достала из сумочки кожаный, явно

долго прослуживший бумажник, погладила его и убрала обратно.

— Украсть то, что было внутри, он не успел, но не мешало бы проверить на всякий случай.

Те, кто промышляет выхватыванием сумочек, мастерски извлекают из них лишь купюры и сразу же избавляются от сумочек и прочих вещей.

— Даже если деньги, это ничего, ведь я ношу их с собой не очень много. Главное, что с моим бумажником все в порядке.

— Так он, значит, дорог вам. — Уже сказав это, Кодзиро подумал, что его слова были излишними.

Чувства, вложенные женщиной в объяснение, говорили о том, что этот старый бумажник, кожа на котором местами потрескалась и облупилась, представляет ценность для его хозяйки.

— Его купил мне сын со своей первой полочки. Потому я и продолжаю чинить его и пользоваться им уже двадцать лет, — сказала женщина, словно прочитав мысли Кодзиро.

— Нет ничего лучше привычных вещей.

— Ой, надо бы вас как-то отблагодарить.

— Это ни к чему. Вполне достаточно ваших искренних слов.

— Но если бы я потеряла этот бумажник, то лишилась бы и сил, чтобы жить дальше. Никаких слов не хватит, чтобы выразить мою признательность.

Как Кодзиро ни отказывался, женщина не уходила. В итоге ему пришлось согласиться на ее предложение угостить его кофе в сиэтлской кофейне, находившейся в здании больницы.

3

Кодзиро сходил во врачебный кабинет, где обследовали его жену, сообщил медсестре, которую знал в лицо, где его искать, и вернулся в кофейню.

Общих тем у него и женщины, которой он помог, не нашлось. И поскольку встреча произошла в больнице, разговор не мог не зайти о болезнях.

— Как видите, я еще крепкий. Вот у моей жены со здоровьем неладно. А у вас как? — спросил Кодзиро у женщины.

— Люмбаго, тендовагинит, да еще и ревматизм. Но свалиться мне никак нельзя.

Женщину явно что-то беспокоило, и она, похоже, была настроена выговориться. До завершения обследования жены и оплаты счетов оставалось еще около часа. Кодзиро полагал, что между ним и этой женщиной есть кармическая связь, и был не прочь выслушать ее.

— Нелегко вам.

— Да уж. Мой сын, о котором я недавно говорила, вот уже двадцать лет как прикован к постели.

— Двадцать лет! — невольно повторил Кодзиро.

Он слышал, что даже пациентам с хроническими заболеваниями после самое большее полугода пребывания в больнице приходится или переводиться в другое учреждение, или выписываться. Неизвестно, существовало ли при больнице что-то вроде санатория для пожилых людей, но судя по возрасту, на который выглядела собеседница Кодзиро, ее сын должен быть в самом расцвете лет. Если так, можно предположить, что болезнь или

в самом деле тяжелая, или настолько серьезная, что не дает возможности передвигаться.

— Во время аварии он получил травму головы, и с тех пор не приходит в сознание.

И она добавила, что у ее сына из-за последствий аварии сохранилась способность только моргать и шевелить пальцами правой руки.

— Вот, значит, как.

— И едва мы сделали у себя ремонт, чтобы ухаживать за сыном на дому, как скоропостижно скончался мой муж. После его смерти прошло уже тринадцать лет.

По-видимому, больницы переводили пациента из одной в другую, как им было удобно. Наконец родителям осталось только ухаживать за ним на дому, приспособленном для этой цели с помощью ремонта. А люмбаго и тендовагинит у его матери развились, наверное, от утомления за долгие годы ухода.

Все сложилось не так, как планировала семья, потому что когда появились условия для ухода за сыном на дому, в результате несчастного случая муж женщины умер от субарахноидального кровоизлияния. В то время ему было всего сорок восемь лет.

Кодзиро были понятны чувства, побуждающие его собеседницу дорожить подаренным ей сыном с первой зарплаты бумажником, каким бы старым и потрепанным он ни выглядел.

— Этот бумажник... — женщина вынула его из сумочки, словно чтобы обнять обеими руками, и продолжила: — Как я уже говорила, он куплен с первой зарплаты, а во время стажировки в ма-

ленькой типографии она составляла около семи-десяти тысяч иен. И поскольку сын платил за съемное жилье в Сига, от получки оставалось, наверное, тысяч сорок.

Из них он потратил еще двадцать тысяч на бумажник для матери. Она сказала, что до сих пор не может забыть лицо сына, когда он, вернувшись спустя долгое время в родительский дом, с гордостью вручил подарок. Обеспокоенная стоимостью бумажника из высококачественной кожи, какого у нее еще никогда не было, мать сходила посмотреть цену в магазин, название которого нашла на обертке.

На следующей неделе ее сын попал в аварию: он ехал на мотороллере из Сига к родителям в Киото, когда на национальном шоссе в него врезался идущий сзади самосвал.

— Полицейские называли чудом то, что он не погиб. И правда, как же хорошо, что он все еще жив.

Не то чтобы Кодзиро не знал о случаях, когда люди спасались чудом, попав в какое-нибудь происшествие или аварию. Однако он еще ни разу не встречал тех, кто с нежной улыбкой радовался бы тому, что человек выжил, после того, как посвятил уходу за ним двадцать лет.

— Но... примерно с позавчерашнего дня состояние у сына неважное, — отрывисто пробормотала женщина.

— Вот оно что. И впрямь тяжело вам приходится, — вздыхая, отозвался Кодзиро.

— При виде этого бумажника мне вспоминаются травмы сына в начальных классах, то, как он

сбежал из дома, когда перешел в средние классы, как крупно поскандалил с отцом в старших — не что-то хорошее, а лишь те случаи, когда я беспокойлась за него. И сколько он всякого пережил. Так что с потерей этого бумажника от меня будто отдалился бы сам сын... Я всегда дорожила этой вещью.

Все тяготы ухода за больным сыном она терпела благодаря тому, что помнила его здоровым и полным сил. Расползающийся от старости бумажник символизировал прежнюю бодрость ее сына и, вероятно, был предметом, к которому обращали молитвы о его выздоровлении.

Не составляло труда вообразить, сколько горя натерпелась эта женщина. Но она жила и утешалась, глядя на бумажник, подаренный ей сыном.

Воспоминания...

За сорок пять прожитых лет у Кодзири в памяти сохранилось лишь несколько по-настоящему ярких воспоминаний.

Очутившись на жизненном перепутье, он вдруг задумывался об одном из них и вновь исцелялся.

Так было, когда он изводился, не зная, уходить ли из полиции: ему вспомнился отец, бывший следователь, девятью годами ранее умерший от болезни.

Дом семьи Дзиссо стоял на северной окраине Киото. Теперь там жил старший брат Кодзири, Кэнъити, который открыл в пристройке к дому зал для занятий кэндо*, названный «Мусинкан». К району Ракухоку, где жила семья, вплотную под-

* Кэндо — японское искусство фехтования на бамбуковых мечах. — *Примеч. ред.*

ступали горы. И если углубиться в них, протекавшие там речушки были в самый раз, чтобы ради развлечения ловить рыбу аю и сима.

Однажды семилетний Кодзиро со свойственной ему неумной жадой приключений ради испытания храбрости в сумерках отправился в лес по соседству с домом, что было строго запрещено. Не ведая страха перед полной темнотой, Кодзиро сбился с пути и в итоге заплутал в лесу.

Два дня спустя его разыскала местная пожарная команда. Спасаясь от голода, он пил речную воду и хотя выбился из сил, его здоровье в целом не пострадало. Больше всего он боялся отцовского гнева. Когда отец примчался в больницу, куда мальчика сразу же отвезли, Кодзиро зарылся в футон и в слезах стал просить прощения.

«Неужто ты вернулся невредимым!»

Отец схватил Кодзиро в объятия вместе с футоном. И с тех пор о ночном походе в горы больше не упоминал ни разу.

Вместе с этим воспоминанием к Кодзиро явилось еще одно, о случае, который запал ему в душу. В тот раз к ним в дом пришел убийца, когда-то давно пойманный его отцом. Видимо, узнав, что первым делом после выхода из тюрьмы этот убийца хочет увидеться с ним, отец Кодзиро специально приехал за ним и привез к себе домой.

Кодзиро, в то время учившийся в средних классах, считал, что пригласить домой убийцу — безрассудный поступок, подвергающий опасности жизнь всей семьи. Если начистоту, убийц он боялся, а к бывшим заключенным относился с презрением.

Это отношение проявилось в поведении Кодзиро, и он не ответил на вежливое приветствие гостя — человека лет пятидесяти с виду.

В тот же миг отец схватил Кодзиро за воротник и влепил ему пощечину. Всего одну, но боль от нее ощущалась до сих пор.

«Стань человеком, способным понять, каково тем, кто оступился!»

С этими словами отец медленно разжал пальцы и отпустил его.

От матери Кодзиро позднее узнал, что тот человек, заливаясь слезами, задушил подушкой собственную мать, прикованную к постели, измученную болями, вызванными тяжелой болезнью, и умолявшую убить ее. И что в день ареста он с перепугу бросился бежать, а отец Кодзиро потом, после задержания, до поздней ночи тренировался с бамбуковым мечом синай, повторяя, что дело выдалось нелегкое.

Но даже узнав историю гостя, Кодзиро не мог понять, почему получил пощечину, и затаил обиду на отца. Лишь после того, как он не раз вспомнил и эту боль в щеке, и объятия через больничный футон, его вдруг осенило.

Все дело в жалости к слабым.

Суть в том, что и Кодзиро, его родного сына, потерпевшего неудачу и в слезах размышлявшего о ней, и человека, который отбыл срок за убийство своей матери, которую не хотел убивать, объединяло одно: душевная слабость. Отец дал Кодзиро понять, что проявлять доброту к таким людям просто необходимо.

Что сказал бы отец, будь он жив, о смерти Коси и о том, как после нее ухудшилось душевное и физическое состояние жены Кодзиро? Какими словами он поддержал бы детектива, который, сомневаясь в причинах смерти сына, пытался докопаться до истины даже ценой ухода из полиции? Вместе с этими размышлениями в голове у Кодзиро мелькали воспоминания об объятиях и пощечине.

«Разве страдать вместе с кем-то не значит проявлять жалость?»

Заявление об отставке Кодзиро подал, ощущая скорее прилив воодушевления.

* * *

Прощаясь, женщина, которой Кодзиро помог вернуть сумку, непрестанно кланялась ему и благодарила.

Людям важны не столько вещи, сколько связанные с этими вещами воспоминания. Кодзиро вновь осознал, что следы, оставленные кем-то в душе человека, способны стать причиной, по которой стоит жить.

Ему, бывшему полицейскому, который по работе сталкивался лишь с изнанкой человеческой натуры, казалось, что он очистился душой.

Благоговение, с которым та женщина хранила потерянный от старости бумажник, старательно утешаясь воспоминаниями о временах, когда ее сын был здоров, навело Кодзиро на мысль, что, возможно, имеет смысл оказывать людям помощь в поиске таких вещей или лиц, связанных с воспоминаниями.